

Е. Ю. ЛЕБЕДЕВА
**«ЕСЛИ МОЕ ЖЕЛАНИЕ
БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ БУДЕТ ПРИЗНАНО...»
(ПРОШЕНИЕ А. П. БАРЯТИНСКОГО О СОЗДАНИИ
КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧЕБНОГО ЭСКАДРОНА)**

Службная деятельность декабристов и ее связь с их взглядами и деятельностью в тайном обществе – тема, еще далеко не полностью раскрытая. Данная публикация отчасти заполняет этот пробел относительно одного из ярких деятелей Южного общества – князя Александра Петровича Барятинского (1797–1844).

В 1815 г., после окончания Иезуитского пансиона, родные поначалу определили его в дипломатическую службу. «Вскоре по воле родительской, против моего желанья, вступил я в Коллегию иностранных дел... но вдруг переменил род службы», – писал он во время следствия¹. 1 января 1817 г. Барятинский поступает юнкером в лейб-гвардии Гусарский полк, где числится до самого приговора по делу о тайных обществах: вначале непосредственно в полку, приняв участие в походе гвардии в Москву, а с 12 января 1820 г. назначается адъютантом к главнокомандующему Второй армией генерал-фельдмаршалу П. Х. Витгенштейну (Дело, с. 254–255, 263). О протекции его отец просил представителя другой ветви рода, И. И. Барятинского, с которым семейство поддерживало деловые и дружеские связи, и его супругу М. Ф. Келлер, близкую родственницу П. Х. Витгенштейна², еще в конце 1818 г., но назначение состоялось лишь зимой 1819–1820 гг., когда Витгенштейн приезжал в Петербург. Так Барятинский оказался в 1820 г. на службе в Тульчине.

Служба адъютантом Витгенштейна совмещала пребывание вне столицы, требующее меньших расходов, почетную должность и непохожее

¹ Следственное дело А. П. Барятинского // Восстание декабристов. Документы. Т. Х. М., 1953. С. 262. Далее ссылки на следственное дело Барятинского даются в тексте статьи в формате: дело, номер страницы.

² Барятинский И. И. Переписка с разными лицами (НИОР РГБ. Ф. 19. Разд. I. Папка 154. Тетр. 5. Л. 235–237 об.).

на армейскую среду в провинции образованное офицерское «общество Главной квартиры»³ По-видимому, в том же году Барятинский оказался в Южном тайном обществе, куда его принял П. И. Пестель⁴. Неизвестно, состоялось ли их знакомство в Тульчине или еще в Петербурге: Павел Пестель приехал туда вместе с П. Х. Витгенштейном. По крайней мере вскоре они подружились, дружба эта продолжалась и после получения Пестелем полка. На следствии Барятинский писал: «Из Тульчина в 3 или 4 месяца ездил я по разу только в Линцы к Пестелю, не по делам общества, а по короткой дружбе, которая нас соединяет, бывши вместе адьютантами» (Дело, с. 261).

Барятинский был одной из заметных фигур в Тульчинской управе: он принял в общество несколько человек, особенно же активен был в 1825 г. Осенью этого года он был назначен главой Тульчинской управы и поддерживал связь с П. И. Пестелем, сообщая ему о новостях периода междуцарствия (Дело, с. 272). Эта энергичная деятельность вызвала подозрения у начальника штаба П. Д. Киселева⁵.

Когда в декабре 1825 г. были допрошены слуги арестованных, крепостной Барятинского И. К. Митюрин на вопрос, писал ли что-то хозяин, отвечал: «Ничего кроме стихов не писал»⁶. Это вполне подтверждают бумаги Барятинского, сохранившиеся в делах Следственного комитета. В основном их составляют наброски нескольких стихотворений⁷. Но среди них также находится черновик прошения, о котором пойдет речь⁸.

Прошение А. П. Барятинского к П. Х. Витгенштейну, написанное в сентябре 1825 г., сохранилось в двух экземплярах. Оба они в основном написаны не почерком Барятинского (по-видимому, потому, что у него был хотя и достаточно разборчивый, но не слишком аккуратный почерк). Сличение черновика прошения с документами из того же дела позволяет предположить, что переписывал его для товарища Николай Крюков. Возможно, из-за этого философские выписки Н. А. Крюкова из различных книг в советское время могли приписываться Барятинскому⁹.

Черновой экземпляр прошения содержит значительный объем мелкой правки, внесенной самим А. П. Барятинским. Ближе к концу текста

---

³ *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 51–52.

⁴ *Парсамов В. С.* Декабристы и Франция, М., 2010. С. 109, прим. 9.

⁵ *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время: материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Приложения к 1, 2 и 3 томам. СПб., 1882. С. 41 (проект письма Киселева к императору.)

⁶ Следственное дело П. И. Пестеля // Восстание декабристов. Документы. Т. 4. М.; Л., 1927. С. 30.

⁷ Документы штаб-ротмистра князя А. П. Барятинского и поручика Н. А. Крюкова 2-го, членов Южного общества (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 474. Л. 16–25 об.).

⁸ Там же, Л. 26–31 об.

⁹ *Якушкин И. Д.* Записки, статьи и письма декабриста / Сост. и комм. С. Я. Штрайха. М., 1951. Л. 597–598. Ср. Документы штаб-ротмистра князя А. П. Барятинского... Л. 1–15.

ее объем возрастает, и последние абзацы небрежно написаны им самим; формульное завершение, подпись и дата отсутствуют.

Сохранился также чистовой экземпляр прошения, поданный «по команде» и содержащий делопроизводственные отметки и отрицательную резолюцию начальства. Документ хранится в РГВИА в фонде «Канцелярия Главнокомандующего 2-й армии». Он не был опознан как декабристский и озаглавлен в описи «Прощение князя Баратынского»¹⁰. В нем была учтена вся внесенная в черновом экземпляре правка, другие изменения минимальны; он переписан тем же почерком и лишь подписан Барятинским в конце.

В начальной части прошения несколько фраз подчеркнуты карандашом («как Ваш адъютант», «не удостоился быть употреблен никаким образом», «Если бы хорошего офицера кавалерии создавали большой талант, гений, ученость»). Эти пометки, явно отличные от авторских подчеркиваний, могли быть сделаны либо при рассмотрении прошения, либо после изъятия документов в декабре 1825 г.

Вначале Барятинский обрисовывает свое положение: он служит адъютантом уже шесть лет, но пока начальство не нашло ему применения. Количество офицеров, служивших в штабе Второй армии, по-видимому, превышало потребности мирного времени, а П. Х. Витгенштейн, человек по характеру мягкий, скорее всего, не отказывал тем, о чьем назначении просили те или иные влиятельные родственники. Необходимость написать прошение, а не обратиться с устным докладом, автор объясняет «трудностью объясняться устно». А. П. Барятинский заикался, по этой черте его опознают как близкие, так и более дальние знакомые (так, С. Г. Волконский при свидании сообщает по-французски арестованному Пестелю: «Заика тоже арестован»¹¹). Это не мешало ему быть заядлым спорщиком – дискуссии с ним упоминают сослуживцы и по Гусарскому полку¹², и по Тульчину¹³.

Неоднократное указание на свои невыдающиеся способности может, безусловно, быть частью характерной для эпохи риторики, но, скорее всего, говорит как о восприятии себя автором, – так и о том, какой офицер мог надеяться в Тульчине на одобрение своих предложений: Барятинский не раз подчеркивает, что представляет не «новый блестящий проект», а в интересах службы дорабатывает идею, которую уже пытались применить. Ситуация эта не случайно развивается именно в штабе Второй армии,

---

¹⁰ Барятинский А. П. Прощение к П. Х. Витгенштейну (РГВИА. Ф. 14058. Оп. 1/184а. Св. 105. Д. 4. Л. 1–6 об.).

¹¹ Следственное дело П. И. Пестеля... С. 172.

¹² *Олсуфьев В. Д.* Дневник 1817–1821 гг. (ГАРФ. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 528. Л. 98 об., 175 об., 186 об., 240 об.): «экспликовался с Барятинским», «спорил с Барятинским» (2 раза), «спорил с Барятинским про закон».

¹³ *Лебедева Е. Ю.* Тульчин времени декабристов: незамеченные источники // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 17 // URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-01.pdf> (дата доступа: 31.08.2025).

где генерал П. Д. Киселев после назначения начальником штаба армии в 1819 г. развернул различные улучшения и преобразования в масштабе одной конкретной армии и сугубо в рамках закона. Любопытно понять, как соотносились с этим планы и намерения членов тайного общества, немалая часть которых служила либо в самом штабе, либо в частях, связанных с ним. Так, П. И. Пестель, обширное рукописное наследие которого, касающееся немалой части проектов армейских преобразований, опубликовано далеко не полностью¹⁴, некоторые свои проекты предполагал подавать официально на имя императора¹⁵ или командования¹⁶. Став командиром Вятского пехотного полка, он предпринимал преобразования в самом полку, частью предвосхитившие более поздние официальные нововведения¹⁷. Кроме того, как отмечает П. Д. Киселев в «Отчете об управлении Второй армией», написанном вскоре после высочайшего смотра 1823 г., Пестель был одним из немногих командиров полков, откликнувшихся на его просьбы о комментариях к тем или иным проектам¹⁸.

Барятинский был в курсе реформаторских планов своего старшего товарища, как явных, так и тайных. В воспоминаниях служившего в Тульчине в те годы Н. И. Павлищева сохранился эпизод, как, защищая высмеянные им переводы военных терминов на русский язык (речь, по-видимому, шла о «Словниках» Пестеля)¹⁹, Барятинский вызвал сослуживца на дуэль²⁰. Впоследствии он пытался переводить начало «Русской правды» на французский язык (Дело, с. 269–270).

Одним из достижений Киселева и его соратников были учебные команды для пехотных полков, позволявшие оперативно распространять в полках различные нововведения и иметь достаточное количество офицеров определенного уровня познаний. Говоря о важности этого нововведения, А. П. Заблоцкий-Десятовский указывает на ту же причину, которую отмечает в своем прошении Барятинский: «Недостаток однообразия, необходимого условия военного устройства, заставил обратиться

---

¹⁴ *Пестель П. И.* Черновые записки по делам военного Управления, по командованию полком, о командировке в Болгарию, выписки из них (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 473). Частично опубликовано: Восстание декабристов. Документы. Т. VII. «Русская Правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествовавшие. М., 1958. С. 359–411.

¹⁵ Восстание декабристов. Документы. Т. VII. «Русская Правда» ... С. 22–23.

¹⁶ *Пестель П. И.* Записка о совестной сумме / Предисл. и публ. Е. Ю. Лебедевой, Н. А. Соколовой. Электронный ресурс: <http://decabristy-online.ru/sokolova6.html/> (дата доступа: 31.08.2025)

¹⁷ *Плестерер Л. Л.* История 62-го пехотного Суздальского генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова-Рымникского полка. Т. 4. История Суздальского (1819–1831) и Вятского (1815–1833) пехотных полков. Белосток, 1903. С. 182–183, 199–202, 219–221.

¹⁸ *Киселев П. Д.* Отчет об управлении 2-й армией с 15 июля 1819 по 1 января 1824 г., и бумаги, принадлежащие к отчету с 1824 по 1828 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 17184. Л. 5 об., 37, 135).

¹⁹ Восстание декабристов. Документы. Т. VII. «Русская Правда». С. 264–267, 407–409.

²⁰ *Лебедева Е. Ю.* Тульчин времени декабристов... С. 21–22.

к устройству при главной квартире сводного батальона...»²¹ Были созданы и другие школы – для горнистов, барабанщиков и т. п., командирам частей также предписывалось создавать учебные батальоны, чтобы «передать... все правила службы»²². Масштаб преобразований показывает, почему Бярытынскый пишет о превосходстве пехоты, устройство которой «приобрело такую упорядоченность, ту точность, до которой кавалерии еще далеко».

П. И. Пестель активно участвовал в этом начинании Киселева. В прошении о повышении его в чине П. Х. Витгенштейн писал: «...я никогда бы сего представления не сделал бы, если бы не был совершенно уверен в том, что Подполковник Пестель способен командовать полком самым отличным образом, особенно теперь, когда он при Учебном батальоне находился с самого формирования оногo.»²³ Таким образом, интерес Бярытынского к идее учебного батальона выглядит как продолжение идей как Пестеля, так и Киселева, относясь к другому роду войск, где пока такой успех достигнут не был; кроме того, это была возможность для него самого получить опыт командования.

Позже Бярытынскый сам обращается к сюжету о прошении в начале следствия, стараясь убедить Следственный комитет, что занимался лишь вопросами службы. После дворцового допроса он пишет: «Что касается до меня, то цель моя была иметь учебный эскадрон, о чем я имел честь писать г-ну главнокомандующему. Занимался я постройкой дома и кавалерийской службой и изобрел машину для начального дрессирования лошадей» (Дело, с. 261).

Следственный комитет также обратил внимание на этот сюжет в первых вопросах Бярытынскому: «С каким намерением желали вы учреждения учебного кавалерийского эскадрона при Главной квартире 2-й армии и начальства над оным, о чем просили Главнокомандующего найденным в бумагах ваших письмом и в чем было вам отказано» (Дело, с. 267).

Судя по формулировке вопроса, его составитель не видел письма Бярытынского: тема учебного эскадрона вводится как новая, на основании его бумаг. Вопрос определенно прощупывает, не была ли просьба связана с замыслами тайного общества. Подозрение в общем-то не праздно: в «Обществе соединенных славян» несколько человек были приняты Петром Борисовым именно во время их пребывания в учебной команде²⁴.

---

²¹ *Заблюцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время: материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 1. СПб., 1882. С. 212–213.

²² Там же. С. 213.

²³ Дело по отношению главнокомандующего 2 армией о назначении адъютанта его, Мариупольского гусарского полка подполковника Пестеля, командиром Томского пехотного полка на место полковника Назимова. 1820–1821 гг. (РГВИА. Ф. 395. Оп. 71, 2 отд., 3 ст., 1820. Д. 2037. Л. 5).

²⁴ См., например: Восстание декабристов. Документы. Т. XIX. М., 2001. С. 264, 284, 300. Показания А. Д. Высочина, И. И. Горбачевского (об А. В. Усовском и Я. А. Драгоманове).

Барятинский отвечает лишь о том, что связано со службой: «Давно уже я желал иметь эскадрон и заняться кавалерийской службой, ибо мне казалось неприятно, бывши 6 лет адъютантом, вступить в полк, ничего не зная. Но чин мой поруческий не позволял мне об этом просить» (Дело, с. 273). Действительно, следующий чин штабс-ротмистра он получает только в марте 1825 г. (Дело, с. 254–255) и уже через полгода подает прошение. Дальнейший ответ добавляет подробности о реакции Витгенштейна: «По письму моему явствует, что я никогда не просил эскадрона при главной квартире. Напротив того, я просил быть у дивизионного начальника под непосредственной командой и надзором, следственно при дивизионной квартире, в чем мне было отказано. Г. главнокомандующий меня тогда же хотел по моей просьбе отправить к генералу Крейцу²⁵; но после, посоветовавшись с начальником штаба 2-й армии, он мне сказал, что отправить меня туда нельзя, ибо уже он был принужден распустить учебный эскадрон, состоявший под командой майора Бартоломея²⁶, за беспорядки. Но что бы я дождался до зимы, потому что он тогда соберет учебный эскадрон в Главной квартире» (Дело, с. 273).

Этот ответ вполне удовлетворил Следственный комитет; идея об использовании учебного эскадрона не упоминалась более никем из подследственных. Впрочем, нельзя исключить, что он мог рассматриваться как подспорье в будущих действиях, ведь планы были рассчитаны на 1826 г. и далее. Но я полагаю, что и соображения, которые были открыто названы, были важны для Барятинского.

Однако прошение было подано в сентябре 1825 г., и последующий ход событий показал, что время было безвозвратно упущено. Развивавшаяся в штабе Второй армии идея о мирных и законных армейских реформах зашла в тупик и уперлась в своего рода «стеклянный потолок». После смотра 1823 г. никакого выхода на новый уровень не произошло: император остался доволен, раздал награды и благодарности и уехал; главнокомандующий и многие офицеры его штаба отправились почти на год в отпуск, и Барятинский в их числе (Дело, с. 259). Начальник штаба П. Д. Киселев, судя по сохранившейся части его переписки с П. И. Пестелем, размышлял об отставке и мирной семейной жизни²⁷ – что, впрочем, тоже не сбылось.

Ко времени подачи прошения в Таганроге и Петербурге уже были получены доносы о существовании тайного общества. Какими бы общими ни были первые сообщения доносчиков, все они упоминали П. И. Пестеля.

---

²⁵ Крейц Киприан Антонович (1777–1850), из курляндских дворян, службу начинал в Польше, с 1801 г. на русской службе. С 1822 г. генерал-лейтенант, в 1824–1828 гг. командовал 4-м резервным кавалерийским корпусом.

²⁶ Майор Бартоломей – возможно, Бартоломей Иван Иванович (р. 1792). В 1826–1827 гг., в чине полковника, командир конноартиллерийской бригады при 3-й драгунской дивизии, с 1827 г. генерал-майор.

²⁷ Киселев П. Д. Письма к П. И. Пестелю (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 703. Л. 9).

Расследование во Второй армии стало неизбежным. Совместные действия прибывшего из Таганрога А. И. Чернышева и П. Д. Киселева начинаются 13 декабря 1825 г. с распоряжения Пестелю прибыть в Тульчин²⁸ – при въезде он будет арестован (что сам Пестель ясно понимал).

Также 13 декабря, по-видимому, практически одновременно с предписанием Пестелю, отдается распоряжение об отправке А. П. Бяратинского в Тирасполь. Это был еще не арест, как сообщал Волконский Пестелю, но он верно понял, что служебное поручение было лишь декорацией, оно предполагало надзор за Бяратинским, о чем было сообщено генералу И. В. Сабанееву²⁹. Предписание об аресте было отправлено лишь 26 декабря, после получения соответствующих запросов из Петербурга³⁰. По-видимому, первоначальная цель была иной – чтобы во время ареста Пестеля и начала следствия в Тульчине там не было Бяратинского. Сам он, похоже, действительно счел эту отсылку служебным поручением, не успев узнать о грозных новостях – по крайней мере, мы ничего не знаем в пользу обратного.

3 января, по получении соответствующих бумаг в Тирасполе, Александр Бяратинский был арестован и отправлен в Петербург. После первого допроса, снятого В. В. Левашовым, был отнесен следствием к числу «важных» деятелей тайных обществ³¹. В июле 1826 г. он оказался в первом разряде осужденных и был отправлен на каторгу, позже – на поселение в Тобольск, где и скончался в 1844 г.

Бяратинский не был теоретиком и не оставил после себя систематических трудов. Сохранились лишь стихи, небольшое количество писем – и публикуемое здесь прошение, которое, несмотря на небольшой объем и частную тему, проливает свет и на жизнь его автора, и на ряд особенностей русской армии того времени.

Текст прошения публикуется по чистовому экземпляру, сохранившемуся в РГВИА, в переводе с французского языка. Отдельные слова и фразы, написанные по-русски, выделены курсивом и отмечены в сносках.

Благодарю Анну Хромову (г. Москва) за консультации и помощь в переводе фрагмента о различных школах верховой езды.

---

²⁸ Об арестовании и отправлении по высочайшему повелению в С. Петербург генерал-интенданта Юшневского, полковников Пестеля и Лемана, майоров Лорера, Пузина и Поджою, капитана Шишкова, штабс-ротмистра князя Бяратинского, гвардии поручика Крюкова 1-го, поручика Крюкова 2-го и подпоручика Лихарева, штабс-капитана Фохта, поручика Старосельского и прапорщика Муравьева-Апостола. 1825 г. (РГВИА. Ф. 14057. Оп. 16/183. Св. 646. Д. 1Б. Л. 1).

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Там же. Л. 13об. –14.

³¹ *Ильин П. В.* Новый источник по истории следственного процесса декабристов: реестр предварительных допросов, проведенных генерал-адъютантами В. В. Левашовым и К. Ф. Толем // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. 41. 2022. С. 386.

Прошение А. П. Барятинского П. Х. Витгенштейну

Пометки карандашом:
«Письмо Барятинского к Витгенштейну»
«25 Сент. 25 года»
«Отказано по сему письму»

Пометка чернилами:
«Refuser depuis les considérations soumises à Son Exel.»

Monsieur le Comte!

La difficulté de m'exprimer verbalement m'autorise à soumettre, par écrit, à Votre Excellence quelques idées qui ne sont pas étrangères au service et qui touchent mes intérêts. Pour couvrir ce qu'il y a de hardi dans cette démarche, jamais plus d'indulgence ne dut être requise. Longtemps je n'ai osé à importuner Votre Excellence mais la douceur de son autorité et six années passées près de sa personne m'ont prouvé combien sa bonté se répandait sur tous ceux qui osaient le bonheur de l'approcher et fort de la bienveillance j'ai osé lui ouvrir ma pensée.

Depuis six ans que je jouis du bonheur d'être spécialement attachée à la personne de Votre Excellence com son aide de-camp³²; je vois avec amertume que malgré mon état de permanence presque continue près d'Elles je n'ai point mérité d'être employé d'aucune façon³³. Ainsi la médiocrité de mes talent et l'insuffisance de mes connaissances ont mis des entraves à l'activité de mon zèle. La nullité à laquelle ces deux considérations m'ont condamné n'a pu donner à Votre Excellence qu'une idée bien peu avantageuse sur ma personne et sur sur mon caractère. Impatient de me réhabiliter dans son opinion et jaloux d'obtenir son estime, je la supplie de m'excuser si j'ose lui développé des moyens par lesquels je crois pouvoir mériter son attention.

Officier de Cavalerie depuis neuf ans, cet arme a toujours pour moi beaucoup d'attraits et c'est par elle que je désirerais être utile. Il est vrai que fixée depuis quelques années au quartier général je n'ai pas suivi les changements qu'elle a dû subir. Mais une légère application et les notions que je suis à même d'obtenir du régiment des Hussards de la garde ou j'ai servi, me mettaient facilement au fait des améliorations qui s'y sont opérées. Ces changements ne peuvent être d'une importance majeure car ils sont l'effet de la diversité des opinions sur les moyens de perfectionnement, mais ces opinions ne sauraient toutefois diverger que sur des considérations secondaires; telles que la manière de seller, de charger (*вьючить*) le cheval, la plus ou moins grande promptitude dans les allures, les divers mécanismes de mors (chose pensable), la qualité des chevaux préférable pour la Cavalerie, la manière de poser la main du Cavalier, son assiette en general, ses mouvements etc., mais surtout l'exercice à l' escadron ou du régiment en masse. Mais l'art de dresser le cheval, de le rendre souple et bien manéré, de dégager, de former le Cavalier, de lui donner le tact nécessaire c'est à dire de le mettre, pour ainsi dire, en rapport avec son cheval, cet art, qui est la vraie base de haute

³² «com son aide de-camp» подчеркнуто карандашом.

³³ «je n'ai point mérité d'être employé d'aucune façon» подчеркнуто карандашом.

cavalerie, doit avoir des règles immuables et ses règles, j'ose l'affirmer, ne me sont point inconnues.

Si c'étaient de grands talents, du génie, du savoir qui formassent un bon³⁴ officier de cavalerie, jamais je n'eus osé me présenter devant Votre Excellence, de mon zèle comme d'un droit à être employé comme tel, ne donnant ainsi pour garantie que de présomptueuses espérances de réussite. Mais puisque des idées justes sur cette partie, une volonté prononcée de perfectionner ce dont on est chargé, une application opiniâtre, le courage de ne point se rebuter des obstacles et des difficultés suffisent pour commander sciemment et avec succès un escadron ou quelque autre section de cavalerie; j'ose, a ces titres, m'offrir et réclamer une indulgente et légère attention pour ce que je vais exposer.

Jusqu'ici je n'ai fatigué Votre Excellence que de ce qui m'était personnel. Actuellement je tâcherai de démontrer qu'en Lui soumettent ces idées que je n'ai prétendu faire découler mes intérêts que de l'intérêt du service. Quelque resserrée que soit la carrière ou j'espère de me distinguer, Elle verra, que mon travail ne saurait être évalué qu'en raison de l'utilité qui en résultera.

Ce n'est point un projet nouveau et brillant que j'ai l'indiscrétion de présenter, je n'offre ici qu'une abandonnée, qui m'a paru être modifiée et reprise avec avantage.

Mécontente de l'escadron d'Exercice (*учебный*) forme dans la 3-me division de dragons, Votre Excellence a jugé à propos de le dissoudre. C'est fâcheux que cette espèce de l'école, si utile, n'ayez point rempli son attente. Elle a vu en l'instituant qu'en la multipliant convenablement on parviendrait à diminuer la supériorité de votre infanterie sur notre cavalerie. Il ne m'appartient pas de rechercher les causes pourquoi le mécanisme de celle-la est arrivé à cette régularité, cette précision, que celui de cavalerie est bien loin d'atteindre. Je n'oserais toucher cette question tant de fois agitée, mais jamais épuisée: puisqu'il y entre une infinité de considérations qui, quoique minutieuses, n'en ont pas moins d'influence sur cette fâcheuse inégalité. Mais comme la nécessité d'établir ces espèces d'écoles tire péremptoirement sa force d'une de ces causes je ne m'arrêterai que sur elle, la voici:

Le manque d'uniformité dans toute notre cavalerie. Il est indispensable de diviser ce défaut d'uniformité en; Manque d'uniformité dans la Cavalerie pesante. Manque d'uniformité dans la Cavalerie legere.

Il serait abusif de confondre cette subordination de la même cause. Je tâcherai de prouver plus loin que la transposition fréquente des officiers de l'une de ces deux espèces dans l'autre est une des sources du manque d'uniformité dans chacune d'elle.

Avant que de recourir au remède qui me parait le plus efficace, il n'est point inutile de chercher la cause du mal; elle consiste dans:

Le manque d'unité de principes dans chefs proposés aux divers commandements de la cavalerie.

Ce manque d'unité provient de trois causes; savoir:

“De ce qu'il y a plus d'une bonne manière d'être cavalier: c'est à dire, plus d'une bonne école d'équitation.”

“De ce que l'on fait passer des officiers de différentes armes dans la cavalerie et que l'on transpose les officiers d'une espèce de cette arme dans l'autre;”

---

³⁴ Фраза с начала предложения подчеркнута карандашом.

“De l’isolement des divisions dispersées dans des corps nombreux d’infanterie et qui n’ont presque pas de communications entre elles.”

(N.B. Il faut avouer toutefois que tant que chaque régiment, ou du moins, chaque escadron ne sera point ramassé dans un même lieu; tant qu’il n’aura ni écurie ni manège: il sera impossible d’avoir une cavalerie qui ne laisse rien à désirer).

J’essayerai de développer ces trois causes la l’est: “Qu’il y a plus d’une bonne école d’équitation”.

En effet, tel, par exemple, aime les allures coulentes, allongées; tel autre les veuts promptes et ramassées. L’un porte principalement ses soins à modérer le feu de son cheval, à dégager sa tête, à rendre l’encolure belle et à bien arquer son cou; l’autre, moins jaloux de la prestance de son cheval que de la rapidité de ses mouvements, l’assoit plus sur ses jarrets, lui donne les airs élevés, et trop avare de son feu, prétend le diriger et non le diminuer. Quant à l’assiette du Cavalier; il en est plusieurs de belles; elles varient selon les tailles et selon que l’homme est plus ou moins fendu. Le cavalier d’une haute stature, bien fendu est placé avantageusement en équilibre le corps perpendiculaire (*в разрез*). Celui qui est ramassé; mais souple, cherche à effacer en ligne brisée, ses épaules, sa poitrine et la partie inférieure à ses genoux – d’autres, dans le même cas, se voûtent légèrement, mais avec grâce. L’on peut donc dans un même régiment avoir plusieurs escadrons très beaux par eux mêmes, mais différemment montés, et cette bigarrure ne sera pas à l’avantage du régiment. L’année 1817 deux escadrons, de chasseurs à cheval, deux d’hussards, et deux de dragons; tous escadrons lateraux de la garde (*фланговые*) et parconsevequent les meilleurs de leurs régiments respectifs, formaient, durant notre cantonnement a Moscou, un même regiment (*сводный легкоконный гвардейской полк*). Non seulement ces trois ces trois sections (*дивизионы*) different entre elles; mais même l’un de deux escadrons de chasseurs à cheval, commandés par un excellent Cavalier, le colonel Zadonsky était tout autrement monté que celui du colonel Saufplan, autre très bon cavalier.

La 2-e cause, comme je l’ai observé, est: “Que l’on fait passer des officiers de différentes armes dans la cavalerie et que l’on transpose les officiers d’une espèce de cette arme dans l’autre”.

L’inconvénient de passer les officiers de l’infanterie dans la cavalerie est trop palpable pour qu’il soit nécessaire de s’y arrêter; il est clair qu’ils en sont la ruine. Mais ce que mérite une attention sérieuse, c’est que la plus part des officiers de la cavalerie pesante de la Garde prennent des escadrons et même des régiments de cavalerie légère, et quelquefois vice versa. Il est aisé de démêler, d’après ce que j’ai exposé sur les différentes manières d’être bon cavalier, laquelle de ces manières convient à chacune ces deux espèces de cavalerie. Les confondre ce serait se méprendre sur leur destination.

Enfin le 3-me cause est: “L’isolement des divisions de dispersées dans des corps nombreux d’infanterie n’ayant presque pas de communications entre elles.”

N.B. Ceci a rapport particulièrement aux trois divisions d’hussards, à la 3ème et 4ème de dragons. Le reste de la cavalerie est divisée en 5 corps de reserve. Au fond le 2 et le 3 de ces corps ne sont que de pures divisions, car les lanciers, qui forment les secondes divisions de ces corps, sont colonisés. Il y a d’autres obstacles à leur perfectionnement; mais je ne présente ici que ceux qui réclament la nécessité des moyens que j’exposerai.

Il est aisé de voir d'après ce que j'ai dit de la diversité des écoles de cavalerie, que des divisionnaires, comme perdus et isolés dans des corps nombreux d'infanterie, ne sauraient avoir les mêmes principes. Ils sont sous les ordres de chefs de corps, qui pour la plus part ont vieilli dans les rangs et à la tête de l'infanterie et qui n'ont ni le temps ni peut-être même les moyens de s'occuper spécialement de leur cavalerie. Si au moins les régiments étaient ramassés chacun dans un même cantonnement, l'activité d'un général de division aurait pu y introduire l'uniformité, mais les escadrons même ne le sont pas: ce qui dissémine le commandement et voila la vraie source du mal. Car plus on multipliera les chefs inférieurs dans la cavalerie et moins la machine aura de régularité et de précision. C'est si vrai que les chefs d'escadrons de la garde seraient au désespoir si les officiers s'occupaient véritablement de leurs pelotons.

Il est bon de remarquer que la diversité des qualités, des défauts, des dispositions du cheval rendent le mécanisme de l'équitation si compliqué qu'il y entre un certain tact qui échappe avec règles et qui n'est que le fruit de l'expérience, qualité cependant indispensable pour un officier de cavalerie. D'où il résulte une nécessité absolue d'établir des écoles d'équitation pour ceux qui entrent dans cette arme; l'on verra de quelle manière il me paraît convenable de les former.

Le moyen de remédier à ces trois inconvénients ou causes du manque d'uniformité est:

1. "de présenter incessamment à tous les chefs de régiments d'escadrons un modèle commun."

2. "former les officiers à une même école."

J'oserai émettre quelques idées sur la manière d'y procéder.

Il est certain que cavalerie de la garde est et sera toujours un modèle pour la cavalerie de toute l'armée. Elle a tous les moyens de se perfectionner. Ainsi, si pour les deux espèces de la cavalerie l'on prenait rigoureusement pour modèle les deux meilleurs régiments de la garde, par exemple: les chevaliers garde ou la garde à cheval pour les cuirassiers, et les hussards de la garde pour la cavalerie légère que l'on se résolut à ne jamais en dévier sous quel que prétexte que ce soit; l'on pourrait aux moyens que je vais exposer établir assez d'uniformité.

1. il faut établir dans chaque division un escadron d'exercice qui communiquait par le divisionnaire directement avec le régiment de la garde qui lui sert de modèle.

2. former une école d'équitation pour les cadets ou sous officiers nobles de la division, cette école doit être dirigé par un bon officier de cavalerie et subordonnée au chef de l'escadron d'exercice quant à l'équitation seulement, car il n'aurait pas le temps de s'en occuper exclusivement; mais il pourrait par de fréquentes revues empêcher qu'elle ne se relâchant.

(Je n'ai d'autres vues, en soumettant ces idées générales sur l'amélioration de notre cavalerie 1) que de montrer mon zèle et combien cette partie est intéressante pour moi 2) Parcequ'elles ont rapport à la 3-e division de dragons ou je désirerais d'être employé).

Il est évident qu'un seul escadron d'exercice, tel qu'il était dans la première armée. quelque nombreux qu'il fut, ne pouvait suffire à tant de cavalerie. On aurait tort de croire que la formation d'un escadron dans chaque division l'enverrait et la dégarnirait. Outre que tout à qui serait pris des régiments, après un certain

temps, leur serait rendu amélioré; il ont si léger tirer un seul escadron de vingt huit escadrons.

D'après cette opinion; il y aurait, la garde excepté, 13 escadrons d'exercice et autant d'école d'équitation pour les sous-officiers nobles, sur 13 divisions, (en y comptant des lanciers, qui appartiennent au corps de la garde). C'est à dire que sur 364 escadrons il n'y aurait que 13 d'exercice. D'ailleurs les changements qu'il plaira aux autorités de faire se répandront beaucoup plus facilement par cette voie.

Faire succéder les escadrons au quartier divisionnaire a plusieurs inconvénients et peu d'avantage. Il faudrait qu'il y a resta une année pour être vraiment exercé d'après les principes du divisionnaire; ce qui n'avancerait guère la division, mais si c'est pour un laps de temps très court, les régiments n'en retirerait pour tout profit que les embarras des délogements et la perte du temps.

Persuadé que s'il est quelques fois tolérable dans un chef d'escadron, adroitement à palier quelques défauts, à dérober quelques imperfections de son escadron; il est de stricte nécessité pour l'escadron d'exercice de se montrer tel qu'il est, et pour cette raison, l'on devrait avant de faire une revue donner au cet officier le temps requis pour perfectionner son escadron.

C'est le commandement de l'escadron d'exercice que j'ose postuler. Si mes talents, mon zèle trompent mes espérances, si je ne saurais remplir l'attente des mes supérieures, celui qui me remplacera, plus habile que moi, obtiendra de ce même escadron les résultats désirés. Ainsi le service ne pourrait en souffrir.

Si j'ai le bonheur de faire agréer ma demande, j'aurai l'honneur de développer les moyens qui me semblent les plus propres à former cette espèce d'école.

Mais si cette idée est rejetée, je supplie Votre Excellence à confier à mon zèle les sous-officiers de la 3-e division de dragons, qui sont destinés à former ce que l'on appelle les *жалонеры*. C'est pour eux surtout, que l'école du manège est indispensable; c'est là surtout, que les chevaux doivent être véritablement dressés. C'est là que Votre Excellence verra, si je puis remplir Ses vues. Un officier par brigade suffirait pour m'aider dans mon travail.

J'ose le répéter; il m'est pénible de n'avoir pas jusqu'aujourd'hui donner à Votre Excellence aucune preuve de mon zèle pour le service de la Cavalerie, ni aucune garantie de ma capacité pour y réussir. Si mon désir d'être utile est agréée, la plus douce récompense des succès, que je pourrais obtenir, sera l'estime et la bienveillance que Votre Excellence daignera accorder à mon travail.

Si cette demande, la seule que j'ai osé et que j'oserai lui adresser, que Votre Excellence me permette d'ajouter, c'est de ne point rejeter l'hommage du respect le plus profond et de l'admiration la mieux senti

Avec laquelle j'ai l'honneur d'être
Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Prince Alexandre Bariatinsky

Ce 27 Septembre 1825. Toulchyn

Перевод:

Пометки карандашом:

«Письмо Барятинского к Витгенштейну»

«25 сент. [18]25 года»

«Отказано по сему письму»

Пометка чернилами:

«Отказать по соображениям, переданным Вашему прев[осходительству]»

Господин граф!

Трудность объясняться устно позволяет мне представить Вашему превосходительству в письменном виде несколько идей, которые не чужды службе и касаются моих интересов. Чтобы покрыть то, что есть дерзкого в этом поступке, совершенно не потребуется снисходительность. Давно я не осмеливался решиться побеспокоить Ваше превосходительство; но мягкость вашей власти и шесть лет, проведенные рядом с Вашей персоной, показали, сколько доброты изливается на всех, кто имел счастье к Вам приблизиться, и именно благодаря Вашей благосклонности я осмеливаюсь открыть Вам мои мысли.

Уже в течение шести лет я пользуюсь счастьем быть лично связан с Вашим превосходительством как Ваш адъютант³⁵; и я с горечью вижу, что несмотря на мое состояние почти постоянной приближенности к Вам, я совершенно не удостоился быть употреблен никаким образом³⁶. Так посредственность моих талантов и недостаточность познаний поставили препятствия моему деятельному рвению. Ничтожество, к которому эти два соображения приговорили меня, может дать Вашему превосходительству не слишком выгодное представление о моей личности и характере. С нетерпением желая восстановить себя в вашем мнении и ревностно стараясь обеспечить Ваше уважение, я прошу Вас простить, что я осмелился объяснять Вам средства, благодаря которым, верю, я могу заслужить Ваше внимание.

Я – кавалерийский офицер уже девять лет; этот род войск всегда имел для меня немало привлекательности, и именно в нем я надеюсь быть полезным. Конечно я, прикрепленный в течение нескольких лет к штаб-квартире, не мог следить за изменениями, которые кавалерия должна была претерпеть. Но немного практики и понятия, полученные в Лейб-гвардейском гусарском полку, где я служил, легко введут меня в курс дела относительно улучшений, которые там произошли. Эти изменения не могут иметь большой важности, поскольку они следуют из различия мнений о средствах усовершенствования; но такие мнения могут различаться лишь во второстепенных соображениях – о том, как седлать, нагружать (*вьючить*³⁷) лошадь; большая или меньшая быстрота в аллюрах; разное устройство удила (вещь принципиальная); качество лошадей, необходимых для кавалерии; способ постановки рук всадника; его посадка в целом, его движения и т. д.; но в особенности упражнения эскадрона или полка

³⁵ «как Ваш адъютант» подчеркнуто карандашом.

³⁶ Фраза «не удостоился быть употреблен никаким образом» подчеркнута карандашом.

³⁷ Слово написано по-русски.

в целом. Но искусство обучить лошадь, сделать ее послушной и хорошо обездвиженной, освободить, выучить всадника, дать ему необходимое чувство меры, то есть установить, так сказать, его отношения с лошадью, – это искусство, которое есть истинное основание высокого искусства кавалерии, должно иметь неизменные правила, и эти правила, осмелюсь утверждать, не остались мне неизвестны.

Если бы хорошего офицера кавалерии создавали большой талант, гений, ученость³⁸, я бы никогда не осмелился хвалиться перед Вашим превосходительством моим рвением как правом быть употребленным таким образом, не имея никаких гарантий кроме самоуверенных надежд на успех. Но поскольку верные понятия по этой части, высказанное желание совершенствоваться то, что поручено, упорное прилежание, решимость преодолевать препятствия и трудности достаточны, чтобы командовать сознательно и с успехом эскадром или каким-либо другим соединением кавалерии, я осмеливаюсь на этом основании предложить себя для этой цели и просить Вас о снисходительности и небольшом внимании к тому, что я собираюсь объяснить.

До сих пор я утомлял Ваше превосходительство только тем, что относилось ко мне лично. Теперь я постараюсь объяснить, какое отношение к Вам имеют эти идеи; я утверждаю, что мои интересы проистекают только из интересов службы. Какой бы ограниченной ни была та карьера, которой я надеюсь себя посвятить, Ваше превосходительство увидит, что мои труды будут оцениваться не иначе, как в смысле пользы, которая может из них последовать.

Я имею нескромность представить вовсе не какой-нибудь новый и блестящий проект; но предлагаю только ранее оставленную идею, которая, как мне показалось, может быть изменена и вновь выгодно использована.

Будучи недовольны учебным эскадром (*учебный*³⁹), созданным в 3-й драгунской дивизии, Ваше превосходительство, сочли необходимым его распустить. Досадно, что этот род школы, столь полезный, совершенно не оправдал ваши ожидания. Вы скоро увидите, что, если распространять его надлежащим образом, станет возможно уменьшить превосходство нашей пехоты над кавалерией. Мне не нужно исследовать, каким образом устройство первой приобрело такую упорядоченность, ту точность, до которой кавалерии еще далеко. Я не осмеливаюсь касаться этого вопроса, столько раз уже рассмотренного, но никогда не исчерпанного, поскольку здесь примешивается бесконечное число соображений, которые, будь они сколь угодно мелочными, имеют от того не меньшее влияние на это досадное неравенство. Но поскольку необходимость учредить подобный вид школ очевидно происходит от одной из таких причин, я остановлюсь только на ней, а именно:

Недостаток единообразия во всей нашей кавалерии. Необходимо разделить этот недостаток единообразия на: Недостаток единообразия в тяжелой кавалерии. Недостаток единообразия в легкой кавалерии.

Неправомерно смешивать эти два подразделения нашей армии. Я постараюсь доказать далее, что частые переходы офицеров одного из них в другое есть один из источников недостатка единообразия в каждом из них.

---

³⁸ Фраза с начала предложения подчеркнута карандашом.

³⁹ Слово написано по-русски.

Прежде чем перейти к лекарству, которое кажется мне наиболее действенным, полезно найти причину болезни; она состоит в:

Недостатке единства правил у командиров, поставленных на разные посты в кавалерии.

Этот недостаток единства происходит от трех причин, а именно:

1) От того, что есть больше одного хорошего способа быть кавалеристом – то есть более одной хорошей школы верховой езды.

2) От того, что офицеров переводят из разных родов войск в кавалерию, и из одного ее вида в другой.

3) От разъединенности дивизий, рассеянных среди многочисленных корпусов пехоты и не имеющих почти никакого сообщения между собой.

(N.B. Нужно однако признать, что если каждый полк или хотя бы каждый эскадрон не будет никогда собираться в одном месте, если у них не будет ни конюшни, ни манежа, то можно получить только кавалерию, которая будет оставлять желать лучшего).

Я постараюсь разъяснить эти три причины: «Что есть более одной хорошей школы верховой езды и т. д.»

В самом деле, одна, например, предпочитает плавные, растянутые аллюры; другая желает их видеть компактными и собранными. Один направляет свои заботы в основном на то, чтобы умерить пыл лошади, чтобы она красиво держала голову и красиво выгибала шею; другой, менее ревностно относится к внушительному виду своего коня, чем стремительности его движений, осаживает его, горячит, и, будучи скуп на пыл, делает вид, будто разжигает его, а не умеряет его. Что до посадки всадника, то есть много хороших посадок; они зависят от роста и от того, насколько человек более или менее крепок. Всадник высокого роста, крепко сбитый хорошо сохраняет равновесие, держа корпус вертикально (*в разрез*⁴⁰). Тот, кто коренаст, но гибок, старается отвести назад по ломаной линии плечи, грудь и ноги ниже колен – другие в том же случае слегка ссутуливаются, но с изяществом. Можно таким образом в одном и том же полку иметь много эскадронов, которые хороши сами по себе, но по-разному ездят верхом, и эта пестрота не будет на пользу полку. В 1817 году два эскадрона конных егерей, два гусарских и два драгунских, все эскадроны фланговые гвардейские (*фланговые*⁴¹) и, соответственно, лучшие в соответствующих полках, составили во время нашего квартирования в Москве один полк (*сводной легкоконной гвардейской полк*⁴²). Не только эти три отделения (*дивизионы*⁴³) отличались между собой; но даже один из двух эскадронов конных егерей под командованием замечательного офицера, полковника Задонского⁴⁴,

⁴⁰ Фраза написана по-русски.

⁴¹ Слово написано по-русски. Фланговый – находящийся при построении остального полка в колонну на его фланге, то есть с боковой стороны.

⁴² Фраза написана по-русски.

⁴³ Слово написано по-русски.

⁴⁴ Задонский Воин Дмитриевич (1785–1856) – сын штаб-офицера, с детства был зачислен в кавалерийскую службу. В 1804–1810 гг. воевал на Кавказе. Участник кампании 1812–1814 гг. До 1819 г. состоял в лейб-гвардии Конноегерском полку, затем командовал Сибирским уланским полком, занимал штабные должности. В 1835 г. – генерал-лейтенант; в отставке с 1841 г., во время Крымской войны, вернувшись на службу, скончался, заболев тифом.

держался верхом совершенно иначе, чем эскадрон полковника Софплина⁴⁵, тоже очень хорошего кавалериста.

2-я причина, как я указал, это: «Что офицеров переводят из разных родов войск в кавалерию, и из одного ее вида в другой».

Невыгоды перевода офицеров из пехоты в кавалерию слишком очевидны, что-бы нужно было на них останавливаться; ясно, что они ее разрушают. Но что заслуживает серьезного внимания – это то, что большинство офицеров из тяжелой кавалерии Гвардии получают эскадроны и даже полки в легкой кавалерии, а иногда наоборот. На основании того, что я объяснил относительно разных способов быть хорошим кавалеристом, легко понять, какой из этих способов подходит к каждому из этих видов кавалерии. Путать их – это ошибаться относительно их назначения.

Наконец, 3-я причина – это: «Разъединенность кавалерийский дивизий, рассеянных среди многочисленных корпусов пехоты, и не имеющих почти никакого сообщения между собой».

Н.В. Это в особенности относится к трем гусарским дивизиям, к 3-й и 4-й драгунским. Остальная кавалерия распределена на 5-ть резервных корпусов. В сущности, 2-й и 3-й ее корпуса есть в чистом виде дивизии, поскольку уланы, которые составляют вторые дивизии этих корпусов, переведены в военные поселения. Есть и другие препятствия к их совершенствованию; но я представляю здесь только необходимо требующие тех средств, которые я предлагаю.

Легко увидеть на основании того, что я сказал о разнообразии школ верховой езды, что командиры дивизий, затерянные и разъединенные среди многочисленных корпусов пехоты, не могут иметь одинаковые принципы. Они подчиняются приказам командиров корпусов, которые по большей части состарились в рядах и во главе пехоты, и у которых нет ни времени, ни даже, может быть, средств, специально заниматься их кавалерией. Если хотя бы эти полки были расквартированы каждый в одном месте, дивизионный генерал мог бы ввести в них единообразие, но даже эскадроны не собраны вместе; так расплывается командование, и в этом настоящий корень зла. Поскольку чем больше будет младших командиров в кавалерии, тем менее ее механизм будет соразмерен и точен. Также верно, что командиры гвардейских эскадронов будут в отчаянии, если офицеры в самом деле займутся своими взводами.

Нужно заметить, что разнообразие достоинств, недостатков, способностей лошадей делает искусство верховой езды столь сложным, что в нем есть некое чутье, которое не укладывается в правила и может быть только плодом опыта, – качество, незаменимое у кавалерийского офицера. Отсюда вытекает совершенная необходимость создать школы верховой езды для тех, кто вступает в этот род войск; далее будет видно, каким образом мне кажется подходящим устроить их.

Средство исправить эти три неудобства или причины отсутствия единообразия это:

- 1) представить незамедлительно всем командирам полков, эскадронов и т. д. обший образец.
- 2) обучать офицеров в одной и той же школе.

---

⁴⁵ Де Софплян (Десофплян, Десофплан) Герасим Андреевич (ум. 1826). Службу начал, по-видимому в конце 1790-х гг. Участник военных кампаний 1812–1814 г. Во второй половине 1810-х – начале 1820-х гг. офицер лейб-гвардии Конноегерского полка. В 1824–1826 гг., вплоть до своей смерти, командовал Борисоглебским уланским полком.

Я осмелюсь изложить несколько идей о способе это устроить.

Ясно, что кавалерия гвардии есть и всегда будет образцом для кавалерии всей армии. У нее есть все средства совершенствоваться. Итак, если для двух видов кавалерии взять неизменно за образец два лучших гвардейских полка, например: кавалергардов или конной гвардии для кирасиров, и гвардейский гусарский для легкой кавалерии, и если стараться никогда не отклоняться от этого под каким бы то ни было предлогом, то будет возможно средствами, которые я собираюсь изложить, установить достаточное единообразие.

1-е) нужно устроить в каждой дивизии учебный эскадрон, который сообщает-ся непосредственно через командира дивизии с тем гвардейским полком, который служит ему образцом.

2-е) создать школу верховой езды для юнкеров и унтер-офицеров из дворян каждой дивизии, под руководством хорошего кавалерийского офицера, подчиненного командиру учебного эскадрона в отношении верховой езды: поскольку у него не будет времени заниматься исключительно ею, но он мог бы частыми смотрами мешать ей становиться хуже.

(Представляя эти общие идеи об улучшении нашей кавалерии, я не имею других видов 1-е) как показать мое рвение и то, насколько эта часть интересует меня, 2-е) поскольку они имеют отношение к 3-й драгунской дивизии, где я надеюсь быть употреблен).

Очевидно, что один учебный эскадрон, такой же, какой был в первой армии, каким бы многочисленным он ни был, недостаточен для всей кавалерии. Ошибочно было бы думать, что создание одного эскадрона в каждой дивизии их истощит и опустошит. Кроме того, все, кто будет взят из эскадронов, спустя некоторое время будут возвращены туда, став лучше, – кроме того, легко собрать один эскадрон из двадцати восьми.

В соответствии с этим мнением, за исключением гвардии, было бы 13 учебных эскадронов и столько же школ верховой езды для унтер-офицеров из дворян на 13 дивизий (считая и уланскую дивизию, которая относится к гвардейскому корпусу). То есть на 364 эскадрона было бы только 13 учебных. К тому же изменения, которые захотелось бы сделать начальству, распространятся таким образом гораздо легче.

Смена эскадронов в дивизионной квартире имеет много неудобств и мало преимуществ. Нужно, чтобы эскадрон остался там на целый год, чтобы быть достаточно натренированным в соответствии с принципами командира дивизии; он ничуть не продвинет вперед всю остальную дивизию, но если собирать их на очень короткий промежуток времени, полки извлекут вместо выгоды только неудобства перемещения и потерю времени.

Я убежден, что если в командире эскадрона иногда терпимо умение стараться искусно прятать некоторые недостатки, скрывать определенные несовершенства в своем эскадроне, то для учебного эскадрона совершенно необходимо показывать его таким, каков он есть; поэтому прежде чем устраивать смотр, необходимо дать этому офицеру время, необходимое для усовершенствования эскадрона.

Именно о командовании учебным эскадронам я осмеливаюсь просить. Если мои таланты и рвение обманут мои надежды, если я не смогу оправдать ожидания начальства, – тот, кто меня заменит, более способный, чем я, добьется от того же эскадрона желаемых результатов. Таким образом служба не пострадает.

несколькими годами раньше осуществили для пехоты. О прошении стало известно во время следствия над декабристами, связь этой идеи с планами тайного общества Бяратинский отрицал, хотя такую возможность нельзя исключать.

SUMMARY

The article contains a publication of a petition by the Decembrist A. P. Baryatinsky addressed to the commander-in-chief of the Second Army P. Kh. Wittgenstein. Aleksandr Baryatinsky served in the Life Guards Hussar Regiment from 1817 and was appointed adjutant to P. Kh. Wittgenstein at the beginning of 1820 under the patronage of his relatives. That same year he joined the Southern Secret Society, becoming a close friend of P. I. Pestel. During his six years of service in Tulchin, Baryatinsky, as he himself writes, "was not honored to be used in any way". The petition is dedicated to the idea of creating a cavalry training squadron in order to unify the cavalry. The document was created in the fall of 1825 and did not receive approval from his superiors. At the same time, it contains valuable information about both Baryatinsky himself and the state of the cavalry in the Russian army in the mid-1820s. The idea of a training squadron follows the initiatives that P. D. Kiselev, in collaboration with P. I. Pestel, had carried out for the infantry several years earlier. The petition became known during the investigation of the Decembrists; Baryatinsky denied the connection of this idea with the plans of the secret society, although such a possibility cannot be ruled out.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Декабристы, Александр Бяратинский, Павел Пестель, Южное общество, кавалерия, Вторая армия, П. Х. Витгенштейн, П. Д. Киселев, реформирование армии.

KEYWORDS

Decembrists, Alexander Baryatinsky, Pavel Pestel, Southern Society, cavalry, Second Army, P. Kh. Wittgenstein, P. D. Kiselev, army reform.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 51–52 [*Basargin N. V.* *Vospominaniya, rassказы, stat'i.* Irkutsk, 1988. S. 51–52].

Восстание декабристов. Документы. Т. VII. «Русская Правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествовавшие. М., 1958 [*Vosstanie dekabristov. Dokumenty.* T. VII. «*Russkaya Pravda*» P. I. Pestelya i sochineniya, ej predshestvovavshie. M., 1958].

Восстание декабристов. Документы. Т. XIX. М., 2001 [Vosstanie dekabristov. Dokumenty. T. XIX., M., 2001].

Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время: материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 1–3. Приложение к 1, 2 и 3 томам. СПб., 1882 [*Zablockij-Desyatovskij A. P. Graf P. D. Kiselev i ego vremya: materialy dlya istorii imperatorov Aleksandra I, Nikolaya I i Aleksandra II. T. 1–3. Prilozheniya k 1, 2 i 3 tomam. Sankt-Peterburg, 1882*].

Ильин П. В. Новый источник по истории следственного процесса декабристов: реестр предварительных допросов, проведенных генерал-адъютантами В. В. Левашовым и К. Ф. Толем // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 41. 2022. С. 350–429 [*Il'in P. V. Novyi istochnik po istorii sledstvennogo protsesa dekabristov: reestr prevaritel'nykh doprosov, provedennykh general-ad'yutantami V. V. Levashovym i K. F. Tolem // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. T. 41. 2022. S. 350–429*].

Лебедева Е. Ю. Тульчин времени декабристов: незамеченные источники // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 9–29. // URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-01.pdf> (дата доступа: 31.08.2025) [*Lebedeva Ek. Yu. Tul'chin vremeni dekabristov: nezamechennye istochniki //*

Istoricheskij kur'er. 2020. № 6 (14). S. 9–29. // URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-01.pdf (data dostupa: 31.08.2025)]

Парсамов В. С. Декабристы и Франция. М., 2010 [*Parsamov V. S. Dekabristy i Franciya. M., 2010*].

Пестель П. И. Записка о совестной сумме / Пред. и публ. Е. Ю. Лебедевой, Н. А. Соколовой. Электронный ресурс: <http://decabristy-online.ru/sokolova6.htm/> (дата доступа: 31.08.2025) [*Pestel' P. I. Zapiska o sovestnoj summe. Pred. i publ. E. Yu. Lebedevoy, N. A. Sokolovoy. Elektronnyj resurs: http://decabristy-online.ru/sokolova6.htm/ (data dostupa: 31.08.2025)*]

Плестерер Л. Л. История 62-го пехотного Суздальского генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова-Рымникского полка. Т. 4. История Суздальского (1819–1831) и Вятского (1815–1833) пехотных полков. Белосток, 1903 [*Plesterer L. L. Istoriya 62-go pekhotnogo Suzdal'skogo generalissimusa knyazya Italijskogo grafa Suvorova-Rymnikskogo polka. T. 4. Istoriya Suzdal'skogo (1819–1831) i Vyatskogo (1815–1833) pekhotnyh polkov. Belostok, 1903*].

Следственное дело А. П. Барятинского // Восстание декабристов: документы. Т. X. М., 1953. С. 252–297 [Sledstvennoe delo Aleksandra Petrovicha Baryatinskogo // Vosstanie dekabristov. Dokumenty. T. 10. M., 1953. S. 252–297].

Следственное дело П. И. Пестеля // Восстание декабристов: документы. Том 4. М.: Л., 1927 [Sledstvennoe delo Pavla Ivanovicha Pestelya // Vosstanie dekabristov: dokumenty. T. 4. M.: L., 1927].

Якушкин И. Д. Записки, статьи и письма декабриста / Сост. и комм. С. Я. Штрайха. М., 1951 [*Yakushkin I. D. Zapiski, stat'i i pis'ma dekabrista / Sost. i kommentarii S.Ya. Shtrajha. M., 1951*].